

DOI: 10.17805/zpu.2018.2.6

Социокультурные образы модернизации конца XX — начала XXI века: Россия и мир

В. Г. ФЕДОТОВА

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН

Данная статья посвящена анализу социокультурных образов модернизационного развития конца XX — начала XXI в. В ней рассмотрены прогнозы С. Хантингтона, Дж. Нейсбита, Х. Макрея, Ш. Эйзенштадта, Дж. Кантона, П. Вагнера и даны оценки перспектив модернизации, в том числе и «множественных» модернизаций, а также анализ социокультурных оснований модерна указанного периода. Представлены многообразие путей к модерну и примеры развития цивилизаций модерна, в основе которых содержится европейский опыт.

На основе работ японского исследователя Й. Такеути показано, что даже модернизация Китая и Японии включает в себя европейские основы. Немецкий исследователь П. Вагнер также демонстрирует европейское влияние на модернизацию латиноамериканских стран и стран других регионов в целом.

Подчеркивается, что сравнение первого и второго модернов говорит об эволюции их типов и не предполагает, что XXI в. станет временем вернувшемуся либерального модерна.

Ключевые слова: Восток; глобализация; догоняющая модернизация; Европа; Китай; множественные модернизации; модерн; модернизация; модели модернизации; незападные страны; прогнозы; Россия; США; социокультурные факторы; Япония; прогнозирование

ВВЕДЕНИЕ

Последняя треть XX в. была наполнена прогнозами относительно будущего модернизационных процессов XXI в. и перспектив России в этом контексте. Гипотезы продолжают высказываться и в первые 18 лет нового века. Много внимания уделяется социокультурным факторам модернизации. Мы также выскажемся по проблемам модернизации XXI в., рассматривая отдельные образцы прогнозирования будущего модернизации и современности (modernity), которые имеются в научной литературе начиная со второй половины XX в., — они содержат значимые предположения, многие из которых уже сбылись, а некоторые оказались ошибочными или преждевременными.

К ИСТОРИИ ПРОГНОЗОВ И ОЦЕНОК ПЕРСПЕКТИВ МОДЕРНИЗАЦИИ, МОДЕРНА И ИХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ОСНОВАНИЙ В КОНЦЕ XX — XXI ВЕКЕ

Остановимся на некоторых тенденциях модернизации XXI в., которые были предложены или прогнозируемы в научной литературе второй половины XX — начала XXI в. с учетом социокультурных и социополитических предпосылок.

Россия в этот период оказалась в фарватере модернизационных изменений, где она использовала в значительной мере теоретические идеи, сформировавшиеся в отношении модернизации западных и незападных стран, включая свой собственный опыт предшествующих модернизаций.

Не прибегая к термину «модерн», многие философы-классики, среди которых И. Кант, Дж. Локк, Т. Гоббс, О. Конт и другие, стали идеологами буржуазных преобразований Нового времени, охарактеризовав коренные изменения обществ и как тенденцию, и как намерение. Первые аналитические и инструментальные модели, возникшие со временем, имели «полярный» характер, противопоставлявший традицию

и традиционное общество современности (modernity) и современным обществам (modern societies). Выделялись отрицающие друг друга черты традиционного и современного обществ: военное и промышленное общество (Г. Спенсер); общество механической солидарности — общество органической солидарности (Э. Дюркгейм); традиционное и капиталистическое общество (М. Вебер) и пр. Позже речь шла уже не о противопоставлении двух черт, а о конфронтации набора черт современного и традиционного обществ. Параметры инновационного обновления были обширны и включали в повестку множество переходов от старого к новому в экономике, политике, культуре, образовании (см. также: Федотова, 1997: 5–14; Федотова, 2015).

Модернизация незападных стран, в том числе и России, имела исходно характер *догоняющей модернизации*, ориентирующейся на западные, прежде всего европейские, образцы. Россия вступила в этот процесс еще в последней трети XIX в., продолжив его в XX и в начале XXI в. Теории модернизации были востребованы в 1950–1960-е годы и в странах, вышедших или выходящих из системы колониализма. В процессе подталкивания их Западом к заимствованию западных структур и отношений они стремились исключить альтернативу коммунистической ориентации, которая тоже имела место среди некоторых из этих стран. Как инструмент деколонизации доминирующая теория догоняющей модернизации имела серьезные недостатки, что показал опыт большинства вышедших из колониальной зависимости стран, не преуспевших как в попытке ориентации на Запад, так и в следовании за коммунистическими странами.

Теория догоняющей модернизации исходила из идеи «полярной» модели перехода *традиционного общества в современное путем смены социокультурных оснований на противоположные прежним*. Традиционное общество понималось как общество, воспроизводящее себя на основе традиции, а современное — как общество, основанное на инновациях, противостоящих традиции. Эта дихотомическая схема просуществовала в западной литературе недолго, преимущественно в 1950-е годы, и в 1960-е годы уже мало применялась.

Сделаем анализ некоторых значимых для нашей темы концепций, начиная с конца 1960-х годов XX в., когда модернизм уже имел оппонентов в лице постмодернистов и вместе с тем сохранял свои позиции в Западной Европе, США, привлекал Россию и начинал проникать в другие незападные страны. В этот период формировались многие прогнозы модернизации на XXI в.

ПРОГНОЗЫ С. ХАНТИНГТОНА

В 1968 г. С. Хантингтон посвятил модернизации книгу «Политический порядок в меняющихся обществах» (Huntington, 1968). Он анализировал здесь политическую модернизацию в связи с изменением политического сознания в социокультурной атмосфере этих лет. Модернизацию он характеризовал следующим образом: «...многоликий процесс вовлечения изменений во все сферы человеческого мышления и деятельности... модернизация включает фундаментальный сдвиг в ценностях, отношениях и ожиданиях. Традиционный человек рассчитывал на неизменность в природе и обществе. Современный человек в противоположность этому принимает возможность изменений и верит в желательность этого» (там же: 32). Для таких изменений характерно требование перехода от лояльности и идентификации с группами (семья, клан или деревенская община) к большим и неперсональным группам (таким, как класс или нация). Это увеличивает, по мнению С. Хантингтона, значение универса-

листных, а не партикуляристских ценностей и оценки человека по его достижениям, а не по предзаданному статусу.

В ходе модернизации разрушаются прежние представления об обществе, экономике и политике, и люди обретают возможность следовать новым способам социализации и новым образцам поведения. Появляются новые социокультурные и социополитические предпосылки модернизации, включающие ориентацию на автономию индивида, на ценность образования, на усиление коммуникаций, на значимость роли средств информации, урбанизации, демократии. Происходит усиление экономической активности, увеличение доходов на душу населения, активизация индустриализации. Изменяется образ жизни, ее продолжительность. Формируется новизна ожиданий. Расширяются знания о мире, наблюдается опережающий рост городского населения в сравнении с сельским. Наблюдается становление новых политических институтов. Все это Хантингтон относит к чертам модернизации (там же: 93).

В социальном отношении модернизация обеспечивает разделение труда и специализацию функций не только в малых группах, но и в обществах в целом. В экономическом плане она повышает роль капитала по отношению к труду, усиливает диверсификацию деятельности, формирует появление как глобального, так и национального рынков и других национальных экономических институтов, увеличивает уровень экономического благосостояния и уменьшает в развитых странах экономическое неравенство в основной массе населения. Модернизацию С. Хантингтон характеризует тремя измерениями: социальной мобилизацией, осуществляющей отрыв людей от всего прежнего и подготавливающей их к современным формам поведения; экономическим развитием, увеличивающим экономический рост; влиянием на политику и ролью политической модернизации в обществе в целом. Политическая модернизация ликвидирует многообразие инстанций традиционных обществ и имеет, согласно Хантингтону, три главных признака: рационализацию авторитета путем замены многообразных источников власти силой национального государства, созданного человеком; дифференциацию новых политических функций на юридическую, военную, административную, научную и пр.; массовое участие в политике путем представительства разных групп. Данные тезисы проиллюстрированы им на примере Европы и США.

Существенным развитием теории модернизации была статья Хантингтона 1971 г., в которой он развил ряд принципиальных аспектов теории модернизации. Среди них: 1) модернизация — *революционный процесс*; 2) модернизация — *комплексный процесс*. Она не сводится к единственному фактору или единственному измерению, а включает множество параметров, таких как человеческое мышление и поведение, индивидуализм, урбанизация, социальная мобильность, дифференциация, массовая информация, рост грамотности и образования; 3) модернизация — *системный процесс*. Изменение одного фактора влияет на изменение других; 4) модернизация — *глобальный процесс*, возникший в XV–XVI вв. в Европе, но ставший феноменом, распространяющимся по всему миру; 5) модернизация — *длительный процесс*. Потребовалось несколько веков для модернизации Запада. Современные общества делают это за меньшее время; 6) модернизация — *это путь*, имеющий фазы, различающиеся от общества к обществу. Модернизирующиеся общества возникают после традиционных обществ и на их месте; 7) модернизация — *гомогенизирующий процесс*, приводящий к конвергенции различные общества; 8) модернизация — *необратимый процесс*, реа-

лизуемый как секулярный тренд; 9) модернизация — *прогрессивный процесс*, глубоко преобразующий общество (Huntington, 1971). В названной работе автор также делает важные обобщения, относящиеся к проблеме соотношения традиционного и современного обществ.

Позже Хантингтон написал книгу о столкновении цивилизаций. Здесь он также говорит о модернизации как о революционном процессе, осуществляющем переход общества «от традиционного к современному»: Запад был Западом задолго до того, как стал современным. Центральная характеристика Запада, которая отличает его от других цивилизаций, предвосхищает модернизацию Запада» (Huntington, 1996: 68–69). Незападные страны начинают свое движение к модернизации через вестернизацию, но их культурная специфика делает это соразмерным специфике выделенных Хантингтоном цивилизаций. Учитывая многообразие цивилизаций, Хантингтон утверждает, что «мир становится более современным и менее западным» (там же: 78). Иными словами, речь идет о том, что модернизация меняет и западные страны, но не может их сделать западными.

ПРОГНОЗЫ ДРУГИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Выдающимися оказались прогнозы Дж. Нейсбита, сделанные в 1982 г., которые он обозначил как время нового модернизационного перехода Западной Европы, США и потенциально других стран: от индустриального общества к информационному; от форсированных технологий к балансу высокой технологии и душевного комфорта; от национальной экономики к мировой; от краткосрочного к долгосрочному протеканию процессов; от централизации к децентрализации; от институциональной помощи к самопомощи; от представительной демократии к демократии участия; от иерархий к сетевым структурам; от Севера к Югу; от «или — или» к множественному выбору (Naisbitt, 1982). В этих заключениях, относящихся скорее к XXI в., Нейсбитом показано завершение трактовок модерна, достигших пика во второй половине XX в. как пути Запада, на который ориентируются другие страны.

В прогнозе 1994 г., данном американцем Х. Макреем, сообщалось, что он стремится объяснить текущие процессы и недавнее прошлое, исходя из понимания, почему некоторые страны, не увеличивая своих жизненных стандартов, увеличивают свою силу и влияние в мире. Различие в стратегии таких стран он связал с неравным развитием индустрии и сервиса (банков, отелей, медицинских и образовательных учреждений и пр.). Он задался целью обсудить, насколько эти страны были конкурентоспособны в начале 1990-х годов и какова будет их конкурентоспособность в следующем поколении (McRae, 1994).

Видение через поколение представляется методологически значимым для понимания успехов модернизации и оценки самочувствия населения. Макрею было важно составить впечатление об эффективности упомянутых двух типов общества (увеличивающих жизненные стандарты и увеличивающих свой рост и влияние в мире) и понять очевидное различие социальной организации в США, Европе и Восточной Азии. Сравнение этих регионов могло быть проведено при сопоставлении ВВП стран, уровня безопасности и ответственности государства по отношению к социальным обязательствам. К последним Макрей отнес *важность экономического роста, способ обеспечения роста, новые моторы роста, измерение эффективности, способность к обучению, т. е. все то, что характеризует модернизацию как экономический процесс*. Его прогноз до 2020 г. касался США, Европы, Восточной Азии.

Но у всякого развития, по мнению Макрея, есть *цена*. Она выступает как экономический случай «хорошего поведения», которым он называет достижения через поколение, т. е. накопление успехов экономической модернизации.

Макрей рассматривает также социокультурные факторы, к которым относит национализм в Европе, рыночный капитализм, секулярный популизм, и высказывает серьезные опасения в отношении иммиграции. Нет сомнения в том, что его размышления об экономической модернизации и ее социокультурных условиях сохранили свое значение сегодня и характеризуют значимый образ современности в XXI в.

В приведенных прогнозах модернизации, в значительной мере относящихся к XXI в., модернизация трактовалась как единичная, предлагающая определенный способ действия, обеспечивающий переход традиционного общества к современному. Ш. Эйзенштадт впервые применил термин «множественная модернизация».

Понимание модернизации и современности (modernity) Эйзенштадтом содержит принципиально новое — цивилизационное видение, составляющее существенно значимый компонент модернизационной теории впоследствии. Проблема была сформулирована в известной работе Ш. Эйзенштадта 1995 г. «Власть, доверие и значение. Эссе о социологической теории и анализе» (Eisenstadt, 1995). Он раскрыл новое видение модернизации и современности (modernity): «Люди стали свидетелями перехода одной современной цивилизации во множество — к нескольким современным цивилизациям. Теория модернизации перестала рассматриваться как финальная» (там же: 34). Имеется в виду также и то, что образцы европейской цивилизации модерна получили распространение на общества других цивилизаций.

Согласно Ш. Эйзенштадту, переход к современности, обществу и обществам модерна не является завершающим актом, вводящим в столетия однотипного развития, а представляет собой процесс расширения сферы современности (modernity) путем подключения к ней все новых и новых обществ, имеющих свои пути развития, однако осуществляемые уже в общих рамках *глобальной цивилизации модерна*. Иными словами, эволюция и модернизация отдельных обществ привели к формированию цивилизации модерна подобно имевшим место в прошлом цивилизациям древности и Средневековья.

Основанием этой теории стало то, что Эйзенштадт стоял на позициях осевых цивилизаций К. Яспера, которые понимаются как центры притяжения разнообразных обществ в определенные исторические периоды. Согласно Ясперу, «осевая цивилизация» обозначает период одновременного развития в разных новых пунктах в направлении цивилизационного видения, задающего вопрос о новых цивилизациях, понимании ими Космоса, этики и сообщества. Осевые цивилизации — это цивилизации с новым мышлением в религии и философии.

Если следовать Эйзенштадту, таковой является цивилизация модерна. Она появилась в Новое время, значительно позже предшествующих осевых цивилизаций, выделенных К. Яспером, — Индии, Китая, Египта, Месопотамии, Древнего Израиля, Древней Греции, Ирана. А модернизации и создаваемые ими общества модерна многообразны, имеют разные пути к модерну, но образуют вместе цивилизацию модерна (*civilization of modernity*). Страны, имеющие «культурную целостность» (*cultural entities*) (так называет Эйзенштадт очевидную культурную специфику, в том числе Китая, Японии, Индии и других стран), могут войти в цивилизацию модерна, в том числе и разными путями. Эйзенштадт, таким образом, увидел продолжение осевой цивилизации в Новое время в «цивилизации модерна». Он выделил Западную Европу

как новое цивилизационное образование, которое можно обозначить как родоначальника модерна.

Дальнейший анализ проблемы модернизации Ш. Эйзенштадт осуществил в своей знаменитой статье «Множественные современности» в 2000 г. (Eisenstadt, 2000: Электронный ресурс). Здесь он сделал важное заявление: «Главный смысл термина “множественные современности” состоит в том, что современность (modernity) и вестернизация не идентичны» (там же).

Эйзенштадт защищает цивилизационное значение понятия «современность» (modernity). Источником его легитимации является множество индивидуальных целей и интересов, ведущих к признанию множественных интерпретаций. Эйзенштадт показывает, что *европейская современность институционализировала в США новую форму современности (modernity). Понимание современности в США не было тождественно европейской современности и подтвердило вариативность ее моделей.*

Позже центр модернизации стали рассматривать как Евро-Атлантический. Дальнейшее распространение современности (modernity) начало осуществляться в таких странах и регионах, как Россия, Восточная Европа и др., в том числе и по мере становления глобализации — в Индии, Китае, Вьетнаме, в азиатских, латиноамериканских, африканских странах сообразно их социокультурным характеристикам.

Множественные современности, согласно Эйзенштадту, являются порождением трансляции европейского образца современности, полученного на почве ее собственной культуры, и дальнейшего синтеза имеющихся образцов современности в других странах и регионах. Эйзенштадт считает, что модернизация не является только благом. Ради достигаемого ею обновления общества идут на жертвы, сознавая негарантированность успеха.

Дж. Кантон в 2007 г. выделил ведущие тренды, которые, по его мнению, изменят основные тенденции в следующие 20 лет (Canton, 2007). Этот опыт прогнозирования ведущих изменений в сегодня уже завершеном времени дает возможность посмотреть как на адекватность прогнозов, так и на наличие ошибок. Автор прогноза ссылается на свое участие в обсуждении проектов известных высокотехнологичных корпораций с президентом Дж. Бушем и резюмирует основные результаты.

Существенные изменения, по мнению Кантона, могут ожидать энергетический сектор, где критическую роль играют альтернативные источники энергии, например водород. Энергия связана со всеми витальными процессами, такими как здоровье, еда, транспорт, коммерция, и потому будет ключевой проблемой глобальной экономики. Это может быть отнесено к модернизации энергетической политики. Модернизация экономики будет связана с повышением ее инновационности путем конвергенции свободной торговли, технологий, демократии, дающей новые рабочие места, новых рынков, глобализации, соревновательности, мира и безопасности. Он считает необходимым рассмотреть, каким образом рабочие места в США становятся все более мультикультурными, более ориентированными на женщин и дающими рабочие места латиноамериканцам. Работа должна включать инновации для повышения глобальной компетенции. Перспективная модернизация медицины является ключевым фактором альтернативной медицины, включающей нанотехнологии, нейротехнологии, геномы, способные обеспечить продолжительность жизни и здоровье. Наука будет способна ответить, как трансформировать каждый аспект нашей жизни, культуры и экономики — от телепортации до нанобиологии и к множественной универсальности.

Безопасность будущего он считает главным вызовом для свободы и жизни, включающим отказ от криминала и от терроризма, вплоть до таких мер, как контроль над мышлением. Будущее глобализации включает коллизии культуры, новые реалии глобальной торговли и конкуренции, идеологические баталии о будущем. Демократия чревата рисками, а терроризм становится оружием, угрожающим демократическим реформам, правам индивидов, сохранению мира в глобальном масштабе, безопасности. Будущее климатических изменений и окружающей среды ставит вопросы о том, как подготовиться к глобальному потеплению, загрязнению окружающей среды и противостоять им. Будущее индивида требует контроля за технологиями, правилами и идеологиями в борьбе за права человека, свободу и мир в XXI в. Стремиться к модернизации — значит думать о судьбе США и Китая как двух великих стран, как им пойти от капитализма к демократии, к инновациям и безопасности, чтобы не разрушить будущее (там же). Здесь поставлено несколько задач модернизации и указано на некоторые ее опасности, хотя автор обсуждает ключевые тренды скорее эмпирически и без концептуальных рамок.

Немецкий социолог П. Вагнер, один из крупных специалистов по проблемам модернизации и социокультурным факторам ее реализации, показал в 1994 г., что существует разнообразие интерпретаций и социологических объяснений текущих условий современности (*modernity*). Вагнер посвятил одну из своих книг анализу социальных трансформаций Западной Европы в XIX и XX вв., отчасти США и советскому обществу, которые представляются ему определенными вариантами современности (*modernity*) (Wagner, 1994). Он связал различия в вариантах современного общества с возможными соотношениями свободы и дисциплины в процессах модернизации, рассмотрев три варианта их сочетания: между индивидуальной свободой и политическим сообществом; между действием и структурой; между локально организованной жизнью людей и социальными институтами, простирающимися за пределы национальных границ. Ключевым для «проекта модерна» П. Вагнер считает идеи свободы, множественности модернизаций и индивидуальной автономии.

П. Вагнер выделил три типа исторических трансформаций модерна. Один — либеральный модерн XIX в., основанный на действиях автономного и ответственного индивида. С 1890-х по 1960-е годы, по его мнению, на смену современности ограниченно-либерального характера XIX в. пришел второй тип модерна — «организованная современность». И третий тип — тот, который «растворяет» организованную современность, вновь переходя к либеральному модерну.

На наш взгляд, две мировые войны прервали возникновение организованной современности. Только после окончания Второй мировой войны Западной Европой и США была достигнута некоторая определенность эпохи как организованной современности по сравнению с прежней эпохой непрерывных перемен и катаклизмов. Основные понятия организованной современности — это национальные государства и социальные классы. XX в. принес государственные программы по распределению ресурсов, деятельности институтов образования, гражданства, здравоохранения и государства всеобщего благосостояния. В отличие от XIX в., эти программы требовали огромного аппарата управления и его ориентации на демократию. Демократия в связи с этим все менее становилась продуктом свободного рынка и все более результатом растущего влияния государства и государственных программ, направленных на интеграцию общества, на экономический протекционизм, технологические инновации, изменения в менеджменте (система Ф. Тейлора).

П. Вагнер осуществил сравнение либерального (начало XIX в.) и организованного модерна (конец XIX в. и XX в., что, по нашему мнению, надо было сделать за вычетом войн в Европе). Вагнер, как мы отметили, был первым, кто употребил термины «либеральный модерн» и «организованный модерн», внося значительный вклад в типологию модернизации. Последний тип модерна был организован государством, демократией, технократией, бюрократией.

Совсем недавно Вагнер выпустил две новые работы по проблемам модернизации (Wagner, 2015a; Электронный ресурс). В первой он определяет модернизацию такими параметрами, как индивидуализация и институционализация, инструментальная рационализация, выступающие предпосылками политических институтов (Wagner, 2015a; Электронный ресурс). Во второй работе Вагнер связывает историю Европы с ситуацией европейского модерна в глобальном контексте, с подъемом Европы и затем и Атлантического мира (Wagner, 2015b; Электронный ресурс). Это книга о том, как ориентация многих регионов на Европу, а затем на Евро-Атлантический мир распространила свой образ модернизации.

В 2012 г. влиятельный американский журнал *Foreign Affairs* опубликовал специальный выпуск статей «Столкновение идей. Идеологические баталии, которые сформировали современный (modern) мир и будут определять будущее» (*The Clash of Ideas: ...*, 2012; Электронный ресурс), напоминающую своим названием знаменитую книгу С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций». В большинстве статей этой рубрики обсуждается вопрос о том, как восстановить модерн после его критики постмодернистами, дать ему шанс и выявить новые направления его развития, отвечающие задачам новой современности.

МНОГООБРАЗИЕ ПУТЕЙ К МОДЕРНУ

Процессы и феномены, которые рассматривались Э. Дюркгеймом, М. Вебером, Т. Парсонсом, Ю. Хабермасом и другими учеными в качестве алгоритма перехода к модерну, получили альтернативу в концепции цивилизации модерна Ш. Эйзенштадта, П. Вагнера, Е. Фурье, Р. Ингельхарта и других авторов, воспринявших множественную модель модернизаций. Последняя предполагает многообразие путей, ведущих в цивилизацию модерна, прежде имевшую место первоначально исключительно в Западной Европе. Сегодня многое изменилось, и, скорее всего, национальные модернизации будут иметь свою вариативность. При этом сохраняются в том или ином виде и необходимые для модернизации структурные константы. Они позволяют определить, действительно ли о модернизации ставится вопрос или о чем-то другом, а также понять, входит ли общество, находящееся в этом процессе, в цивилизацию модерна и может ли войти. Но понятия модерна и обществ модерна уже сегодня не тождественны западным обществам. Новые представления о модерне, а именно введение понятия «цивилизация модерна» или «цивилизация современности», не устраняют возможности вступить в это состояние сегодня кажущимся далекими от этих задач обществам, в том числе и тем, которые не имеют в качестве предпосылки развития автономного индивида. Это видно на примере Китая, Вьетнама, Сингапура и Малайзии и многих других стран, и не удивит, если подобный путь привлечет исламские и латиноамериканские страны (что уже во многом происходит), позволит им на основе «культурной кристаллизации», как говорил Ш. Эйзенштадт, подготовиться к полноценному участию в проекте модерна.

Известная американская исследовательница Л. Гринфельд в качестве такой целостности рассматривает формирование национализмов. Это правильно, так как фор-

мирование многих национальных государств ведет к множеству национализмов и национальных государств, национальной идентичности в пяти странах (Англии, Франции, России, Германии, Америке), которые можно назвать пятью путями к современности (Greenfeld, 1993). Специалист по модернизации Ту Вэймин показывает множественность модернизаций, имеющую последствия в Восточной Азии, состоящую в появлении динамики идентичности в каждом из обществ и новых отношений между ними (Ту Вэймин, 2002).

Помимо указанных выше причин, не позволяющих смотреть на модернизацию как на абсолютное благо, на передний план выступает со временем преобладание массовых обществ, а не обществ, в которых формируется автономный индивид. Это — существенное изменение, на которое, казалось бы, не обратили внимания ни М. Вебер, ни Ш. Эйзенштадт. Однако важно понимать, что речь у них шла об автономии, достигнутой в Западной Европе XIX в., в сравнении с феодальной домодерной эпохой сословий, религий, феодализма, классового господства и пр.

Таким образом, сравнение двух видов модерна (первого — либерального XIX в. и второго — организованного в XX в.) свидетельствует о смене эпох модерна и типов модернизации. Соображение о том, что XXI в. станет временем вернувшегося либерального модерна, не представляется нам верным.

В других книгах более позднего времени Вагнер описывает также либеральную современность XIX в. (включающую свободу, равенство, вовлечение в социальный порядок средних классов и буржуазии, но не включавшую в него наемных работников, что вело к эксплуатации, бедности, отсутствию безопасности из-за исключения значительной части людей). Переход к организованной современности между 1880-ми и концом 1970-х годов (за вычетом времени мировых войн, на что Вагнер не обращает должного внимания) был инициирован появившейся защитой труда и трудящихся, требованиями большего равенства людей и их свободы и социальной обеспеченности всех классов. Интерпретация современности, защищающей большинство населения, потребовала защиты не индивидуальной автономии, а коллективного понимания современности, в которой создана коллективная автономия государства от других государств. Организованная современность названного периода характеризовалась мобилизацией наемных работников, социальными гарантиями ставшего социальным государства, жестким контролем за людьми, не имеющими прав гражданства. Это влекло за собой и недостатки организованной современности, к которым П. Вагнер относит стандартизацию, конформность, отсутствие индивидуальных свобод, и отмечает недостатки свобод не только советского общества, которое рассматривается им как устремленное к модерну, но и буржуазных обществ. Это привело к появлению нового типа современности конца XX — начала XXI в., когда человеку были заново даны индивидуальная автономия, расширенная свобода и глобальные сетевые горизонтальные связи. То есть был, с точки зрения Вагнера, инициирован далее переход от организованной современности к расширенной и глобальной либеральной современности начиная с 1980-х годов (Wagner, 2012).

Эти последние выводы о модерне и модернизации нуждаются в корректировке, касающейся наличия кризисных периодов между первым и вторым модерном, более поздним началом второго модерна, а не его непрерывным существованием с конца XIX в. (по сути, он появился после Второй мировой войны), постмодернистской критикой капитализма и модерна, новыми принципами модернизации сегодня, когда в процесс модернизации в модерн устремились и незападные страны. Этот про-

цесс был назван мною не новым либеральным модерном и не либеральной модернизацией, а *новым Новым временем для незападных стран* (Федотова В., Колпаков, Федотова Н., 2008). Иными словами, это означает, что подобно тому, как Запад в Новое время, а более точно — с началом Просвещения, повернул к формированию модерна, незападные страны, особенно в Юго-Восточной Азии, стали модернизироваться, оказавшись в своем, новом для себя Новом времени для незападных стран (там же: 536–538).

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ТЕОРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Итак, сегодня известны несколько моделей модернизации:

— продолжающаяся модернизация Запада (Дж. Нейсбит, А. Инкелес, Д. Х. Смит);
— модель деколонизации путем ориентации на Запад или на коммунистические страны (в 1960-е годы);

— догоняющая Запад модель модернизации незападных стран, имеющая единый характер как «полярная» модель перехода от традиционных обществ к современным;

— модель множественных модернизаций, имеющая основание в ориентации на Европу как осевую цивилизацию, формирующую глобальную современность (Ш. Эйзенштадт, П. Вагнер, японский исследователь китайской и японской модернизаций Й. Такеути, признающий влияние Европы на модернизацию Китая и Японии) (см.: Takeuchi, 2005);

— модель множественных модернизаций, имеющих разнообразные способы вхождения в цивилизацию модерна, связанные с глобализацией и распространением модернизации на незападные страны, включая страны Европы, Евро-Атлантической зоны, Латинской Америки, Азиатского региона, Африки (П. Вагнер);

— национальная модель модернизации, осуществляющая модернизационные преобразования на уровне национальных государств и присущих им культур. Здесь общие принципы модернизации сочетаются с решением собственных актуальных задач и культурной спецификой. Такая модернизация была осуществлена в Сингапуре, Малайзии, отчасти в Китае, освоившем глобальный рынок.

Отмеченные выше прогнозы модернизации не учитывают того, что модернизация шла своим чередом на Западе, в России и в некоторых других странах долгое время без теорий модернизаций и даже без самого этого термина. Методология прогнозирования недостаточно обсуждалась и не всегда эксплицировалась. Но сегодня интерес именно к ней имплицитно присутствует во многих прогнозах. Модерн отличает своих от чужих. Модерну для сопоставления нужен «чужой», не живущий в модерне, и не только онтологически — как принадлежащий иной реальности, но и гносеологически — как непознаваемый или требующий иных методов познания, и методологически — как не продвинувшийся вперед, оставшийся в своем локальном мире.

Модерн позиционировал себя в XIX–XX вв. и в начале XXI в. как современный порядок, противостоящий традиционному. Модерн формировался путем четкого разделения классов явлений между собой и их иерархического соотношения. Модерн включал предпочтения культуры природе, нового старому, современного традиционному, секулярного религиозному, прогрессивного отсталому, должного недолжному, центра периферии, национальной культуры многообразию культур. Отрицались гибридные формы, способные возникнуть во взаимодействии антиномий, культур

и институтов. Модерн западных стран сегодня уже «пропитался» взаимодействием рассмотренных антиномий традиционного и современного, тогда как стремление к модерну незападных стран, еще тонущее в море традиций, не выработало пока присутствующей модерну ясности в понимании его черт. Однако антиномия национальной культуры и мультикультурализма возникла неожиданно на Западе как раз сегодня, подчеркнув трудности и неясности в понимании модерна и модернизации XXI в.

Французский исследователь Б. Латур считает, что модерн устанавливает границу с помощью науки между природой и культурой, разумом и верованием, человеком и «нечеловеком». Проводя свои исследования, он пришел, однако, к выводу, что мы никогда не были современными, поскольку наши практики всегда были гибридами этих категорий (Latour, 1993). 1993 г., когда писались эти слова, отличался критикой модерна и модернизации, понимаемых как логика позднего капитализма, их замещением постмодернизмом, стремящимся к диверсификации типов социальных трансформаций и учету индивидуальных предпочтений и их многообразия. Ригоризм модернизма и модернизации с их «или — или» вытеснялся признанием «и — и», «того и другого», всего максимально многообразного и свободно выбранного.

П. Вагнер говорит о «либеральном капитализме» и «организованном капитализме», ибо капитализм был, несомненно, центральной частью модерна, и изменения в нем характеризовали изменения в модерне. Но предположения П. Вагнера о появлении одновременно и нового капитализма, и нового модерна, и нового типа модернизации в XXI в. позволяют нам считать *модернизацию процессом, обеспечивающим не только адекватное каждому этапу модерна развитие, но и сам переход от одного типа модерна к другому*. Множественные современности, согласно Эйзенштадту, являются порождением трансляции европейского образца современности, полученного на почве собственной культуры, и дальнейшего синтеза имеющихся образцов современности в других странах и регионах.

РОЛЬ ЕВРОПЫ В ФОРМИРОВАНИИ СОВРЕМЕННОСТИ

Роль Европы в создании современности является ведущей. Немецкий исследователь П. Вагнер предложил для характеристики модернизации такой концепт, как **траектории**. Наиболее успешной оказалась **траектория** европейской модернизации — Европейский модерн. Он оказал влияние не только на развитие образа современности в Европе, но и расширил ареал своего обитания, проникая всюду за пределы Европы.

Вагнер обращается к статусу европейской современности в глобальном контексте, придавая ей включенность в мировой статус: «Детализируются связи между Африкой, Америкой и Европой. “Rise of Europe” — это создание атлантических миров региона с крайне асимметричными коммерческими и коммуникативными связями... Эксплуатация, предполагающая насилие (над африканцами. — В. Ф.) и американскую почву, создает индустриальное развитие в Европе. Элиты Африки и Америки смотрели на Европу как на регион (регионы), в которых даны траектории европейского развития как европейской “модели”» (Wagner, 2015b: Электронный ресурс). Африка и Америка, исходно, в течение 150 лет, по мнению Вагнера, искали в Европе **траектории развития** для себя. Именно это привело в Европу африканскую и американскую рабочую силу. Европейская траектория, опираясь на использование труда африканцев и американцев, вывела Европу на путь Первой промышленной революции. Европа

вошла в мировую историю со своим историческим временем, которое стало осваиваться в мировом масштабе.

Э. Гидденс сходным образом обозначает значение термина «современность»: «Что есть современность? В качестве первого приближения к ответу скажем лишь следующее: “современность” означает способы социальной жизни или организации, которые возникли в Европе, начиная примерно с XVII века и далее, и влияние которых в дальнейшем охватило более или менее весь мир» (Гидденс, 2011: 177–178).

«Когда Европа привела на Восток свои способы производства, социальные институты и человеческое сознание, которое их сопровождает, — утверждает японец Такеути, — новые вещи родились на Востоке, которых раньше никогда не было. Хотя Европа не привела их на Восток, чтобы родить эти новые вещи... Я не знаю, основывалось ли европейское вторжение на Восток на волю капитала, спекулятивный дух приключений, дух пуританского пионерства или еще один инстинкт самораспространения. В любом случае, несомненно, что в Европе существовало нечто фундаментальное, поддерживающее этот инстинкт, делающее неизбежным вторжение на Восток. Возможно, это нечто глубоко переплетается с сущностью того, что называется “современностью”» (Takeuchi, 2005: 54).

Современность — это самопризнание и признание Европы, как видно из истории, что само по себе отличается от феодализма, которые Европа получила в процессе освобождения от феодального общества. Это — процесс, связанный с появлением свободного капитала в сфере производства и формирования личности как самостоятельных и равных индивидов. Поэтому Европа возможна только в этой истории, и сама история возможна только в этой Европе, считает Такеути.

Сказанное нами выше в какой-то мере позволяет предположить, что термин «множественная современность» пытается оградить от восприятия модерна как ограниченного только опытом Европы. Европа — это вечный исток модернизма, который и поныне действует во всех регионах мира в этом качестве.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Статья, таким образом, посвящена эволюции модерна в странах мира в конце XX — начале XXI в. и вытекающим отсюда прогнозам. Изменения связаны с вариациями типов модерна и модернизации, их меняющихся содержаний. Общность состоит в том, что европейский опыт наложил отпечаток на любой тип модерна, что особенно ясно показали немецкий социальный теоретик П. Вагнер и японский исследователь Й. Такеути. История вопроса не дает уверенности в способности модерна вернуться к либеральной фазе, ибо она им, во-первых, пройдена, а во-вторых, модерн распространяется сейчас в азиатские, латиноамериканские, африканские государства, закрепляясь на цивилизационной основе этих регионов, в которой либерализм не занимает ведущих позиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гидденс, Э. (2011) Последствия современности. М. : Праксис. 352 с.
- Ту Веймин (2002) Множественность модернизаций и последствия этого явления для Восточной Азии // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. А. Харрисона, С. Хантингтона. М. : Московская школа политических исследований. 320 с. С. 237–251.
- Федотова, В. Г. (1997) Модернизация «другой» Европы. М. : ИФРАН. 255 с.

- Федотова, В. Г. (2015) Модернизация и культура. М. : Прогресс-Традиция. 335 с.
- Федотова, В. Г., Колпаков, В. А., Федотова, Н. Н. (2008) Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. М. : Культурная революция. 607 с.
- Canton, J. (2007) The Extreme Future. The Top Trends that Will Reshape the World in the Next 20 Years. N. Y. : The Plume Book. 371 p.
- Eisenstad, S. N. (1995) Power, Trust and Meaning. Essays in Sociological Theory and Analysis. Chicago ; L. : The University of Chicago Press. 414 p.
- Eisenstadt, S. N. (2000) Multiple Modernities [Электронный ресурс] // Daedalus. Winter. Vol. 129, №1. URL: http://www.jstor.org/stable/20027613?origin=JSTOR-pdf&seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 12.02.2018).
- Greenfeld, L. (1993) Nationalism: Five Roads to Modernity. Cambridge : Harvard University Press. 596 p.
- Huntington, S. P. (1968) Political Order in Changing Society. New Haven ; L. : Yale University Press. 488 p.
- Huntington, S. P. (1971) The Change to Change; Modernization, Development and Politics // Comparative Politics. April. Vol. 3, №3. P. 283–322.
- Huntington, S. P. (1996) The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N. Y. : Simon & Schuster. 367 p.
- Latour, B. (1993) We Have Never Been Modern. Boston : Harvard University Press. 168 p.
- McRae, H. (1994) The World in 2020. Power, Culture and Prosperity. Boston : Harvard University Press. 392 p.
- Naisbitt, J. (1982) Megatrends. The New Direction Transforming Our Lives. N. Y. : Warner Books. 332 p.
- Wagner, P. (1994) A Sociology of Modernity. Liberty and Discipline. L. ; N. Y. : Routledge. 284 p.
- Wagner, P. (2012) Modernity: Understanding the Present. Cambridge : Polity Press. 206 p.
- Wagner, P. (2015a) Interpretation of Modernity and the Problem of World-Making [Электронный ресурс] // Papers. Revista de Sociologia. Vol. 100, num. 3. URL: <http://papers.uab.cat/article/view/v100-n3-wagner> (дата обращения: 12.02.2018). DOI: 10.5565/rev/papers.2130
- Wagner, P. (2015b) Introduction // African, American and European Trajectories of Modernity: Past Oppression, Future Justice? Ed. by P. Wagner. Edinburgh: Edinburgh University Press. 312 p. [Электронный ресурс] // Annual of European and Global Studies. Edinburgh University. P. 1–18. URL: <http://www.jstor.org/stable/10.3366/j.ctt14brzc0> (дата обращения: 12.02.2018).
- Takeuchi, Y. (2005). What is modernity? Writings of Takeuchi Yoshimi / ed. R. Calichman. N. Y.: Columbia University Press. 224 p.
- The Clash of Ideas: The Ideological Battles that Made the Modern World and Will Shape the Future (2012) Ed. by G. Rose, J. Tepperman [Электронный ресурс] // Foreign Affairs. URL: http://files.foreignaffairs.com/legacy/attachments/Clash%20of%20Ideas_FB%20Excerpt_0.pdf (дата обращения: 12.02.2018).

Дата поступления: 13.02.2018 г.

*SOCIAL AND CULTURAL IMAGES OF MODERNISATION
IN THE LATE 20TH — EARLY 21ST CENTURIES: RUSSIA AND THE WORLD*

V. G. FEDOTOVA

RAS INSTITUTE OF PHILOSOPHY

The paper is dedicated to the analysis of the social and cultural images of modernisation development in the late 20th — early 21st centuries. It considers forecasts of S. Huntington, J. Naisbit, H. McRae, S. Eisenstad, J. Canton, and P. Wagner and assesses prospects of modernisation, including “multiple” modernisations, and analyses social and cultural foundations of modernity of the given period. The author presents a variety of ways to modernity and examples of how civilisations of modernity develop – the ones that are based on European experience.

Drawing upon works by the Japanese researcher Y. Takeuchi, the author shows that even Chinese and Japanese modernisation includes European foundations. German researcher P. Wagner also demonstrates European influence on the modernisation of Latin American countries and countries of other regions as a whole.

It is emphasised that the comparison of the first and second modernities indicates the evolution of their types and does not imply that the 21st century will become a period of the returning liberal modernity.

Keywords: East; globalisation; catching-up modernisation; Europe; China; multiple modernisations; modernity; modernisation; modernisation models; non-Western countries; forecasts; Russia; USA; social and cultural factors; Japan; forecasting

REFERENCES

- Giddens, E. (2011) *Posledstviia sovremenosti*. Moscow, Praksis. 352 p. (In Russ.).
- Tu Veimin (2002) Mnozhestvennost' modernizatsii i posledstviia etogo iavleniia dlia Vostochnoi Azii. In: *Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom tsennosti sposobstvuiut obschestvennomu progressu* / ed. by L. Kharrison and S. Khantington. Moscow, Moskovskaia shkola politicheskikh issledovani. 320 p. Pp. 237–251. (In Russ.).
- Fedotova, V. G. (1997) *Modernizatsiia «drugoi» Evropy*. Moscow, IFRAN. 255 p. (In Russ.).
- Fedotova, V. G. (2015) *Modernizatsiia i kul'tura*. Moscow, Progress-Traditsiia. 335 p. (In Russ.).
- Fedotova, V. G., Kolpakov, V. A. and Fedotova, N. N. (2008) *Global'nyi kapitalizm: Tri velikie transformatsii. Sotsial'no-filosofskii analiz vzaimootnoshenii ekonomiki i obschestva*. Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia. 607 p. (In Russ.).
- Canton, J. (2007) *The Extreme Future. The Top Trends that Will Reshape the World in the Next 20 Years*. N. Y. : The Plume Book. 371 p.
- Eisenstad, S. N. (1995) *Power, Trust and Meaning. Essays in Sociological Theory and Analysis*. Chicago ; L. : The University of Chicago Press. 414 p.
- Eisenstadt, S. N. (2000) Multiple Modernities. *Daedalus. Winter*, vol. 129, no. 1 [online] Available at: http://www.jstor.org/stable/20027613?origin=JSTOR-pdf&seq=1#page_scan_tab_contents (access date: 12.02.2018).
- Greenfeld, L. (1993) *Nationalism: Five Roads to Modernity*. Cambridge, Harvard University Press. 596 p.
- Huntington, S. P. (1968) *Political Order in Changing Society*. New Haven; L., Yale University Press. 488 p.
- Huntington, S. P. (1971) The Change to Change; Modernization, Development and Politics. *Comparative Politics*, April, vol. 3, no. 3, pp. 283–322.
- Huntington, S. P. (1996) *The Clash of Sivilizations and the Remaking of World Order*. N. Y. : Simon & Schuster. 367 p.
- Latour, B. (1993) *We Have Never Been Modern*. Boston, Harvard University Press. 168 p.
- MsRae, H. (1994) *The World in 2020. Power, Culture and Prosperity*. Boston : Harvard University Press. 392 p.
- Naisbitt, J. (1982) *Megatrends. The New Direction Transforming Our Lives*. N. Y., Warner Books. 332 p.
- Wagner, P. (1994) *A Sociology of Modernity. Liberty and Diszipline*. L. ; N. Y. : Routledge. 284 p.
- Wagner, P. (2012) *Modernity: Understanding the Present*. Cambridge, Polity Press. 206 p.
- Wagner, P. (2015a) Interpretation of Modernity and the Problem of World-Making. *Papers. Revista de Sociologia*, vol. 100, no. 3 [online] Available at: <http://papers.uab.cat/article/view/v100-n3-wagner> (access date: 12.02.2018). DOI: 10.5565/rev/papers.2130
- Wagner, P. (2015b) Introduction. In: *African, American and European Trajectories of Modernity: Past Oppression, Future Justice?* Ed. by P. Wagner. Edinburgh: Edinburgh University Press. 312 p. *Annual of European and Global Studies. Edinburge University*. P. 1–18 [online] Available at: <http://www.jstor.org/stable/10.3366/j.ctt14brzc0> (access date: 12.02.2018).

Takeuchi, Y. (2005). *What is modernity? Writings of Takeuchi Yoshimi*. Ed. by R. Calichman. N. Y.: Columbia University Press. 224 p.

The Clash of Ideas: The Ideological Battles that Made the Modern World and Will Shape the Future (2012) Ed. by G. Rose, J. Tepperman. *Foreign Affairs* [online] Available at: http://files.foreignaffairs.com/legacy/attachments/Clash%20of%20Ideas_FB%20Excerpt_0.pdf (access date: 12.02.2018).

Submission date: 13.02.2018.

Федотова Валентина Гавриловна — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора социальной философии, руководитель научного семинара «Социальная философия и развитие гражданского общества в России» Института философии Российской академии наук. Адрес: 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1. Тел.: +7 (495) 697-98-93. Эл. адрес: val_fedotova@mail.ru

Fedotova Valentina Gavrilovna, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Research Fellow, Sector of Social Philosophy; Head, Research Seminar “Social Philosophy and Development of Civil Society in Russia”, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Postal address: 12, Bldg. 1, Goncharnaya St., Moscow, Russian Federation, 109240. Tel.: +7 (495) 697-98-93. E-mail: val_fedotova@mail.ru

DOI: 10.17805/zpu.2018.2.7

Социальное государство в России: история и современность

Г. Ю. КАНАРШ

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН

Настоящая статья посвящена проблеме формирования социального государства в современной России. Несмотря на фиксируемый многими исследователями кризис государства благосостояния на Западе (в связи с глобализацией), социальное государство в нашей стране необходимо создавать. Наличие огромного социального неравенства показывает его отсутствие, невыстроенность.

Автор обращается к генезису построения социального государства в России. Приводятся мнения разных исследователей о том, было ли советское социалистическое государство социальным. Автор присоединяется к той точке зрения, что советское государство не было социальным в подлинном смысле этого слова, поскольку классическое социальное государство включает институт буржуазного общества, посредством которого достигается классовый компромисс. В то же время несомненно, что социалистическое государство, несмотря на свою изначально классовую природу, выполняло важнейшие социальные функции.

В статье описаны основные этапы формирования социального государства в постсоветской России. Автор соглашается с мнением тех исследователей, которые считают, что данное государство в России по-прежнему не сформировано. Главная причина этого — существующая в стране политико-экономическая система. Опираясь на ряд исследований экономистов, политологов, автор показывает, что нынешнее «социальное государство» в России выстроено таким образом, что выражает прежде всего интересы господствующего класса — правящей бюрократии. И единственным выходом из этого положения